

18+

Вячеслав Сазанович

ОТРАЖЕНИЕ

ОТЪАЖЕННЕ

Поэтический сборник

Вячеслав Сазанович

Отражение. Поэтический сборник

«Издательские решения»

Сазанович В.

Отражение. Поэтический сборник / В. Сазанович —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597092-3

Отражение... Что может быть прекраснее видеть своё отражение в чьих-то глазах и понимать, что каждая частичка твоего отражения дорога этим глазам? А если смотрящие на тебя глаза тоже получают своё яркое отражение в твоём взгляде, мыслях, сердце, душе — то это прекраснее вдвойне!

ISBN 978-5-00-597092-3

© Сазанович В.
© Издательские решения

Содержание

Рассвет	6
Беседка	7
В ночь, вразвалку иду...	8
Ни мысли, ни слова...	9
Старенький дом	10
Стол	11
Предвестник скорой стужи	12
Листок	13
Идёт воскресенье	14
«Не так давно уснула ночь...»	15
«Хворост пылает, над ним котелок...»	16
Опять я в дороге!	17
Штрихпунктирная строчка	18
«Среди бегоний и жасминов...»	19
«Рубежей нет! Повсюду воля!..»	20
На жизненные чудеса	21
Дракон	22
Творцы	23
По исторической спирали	24
Время и возраст	25
Соломинка в стогу иголок	26
Отжившие эры служения людям	27
Сорняк	28
Электрик Вселенной	29
Одна лошадиная сила	30
Посвящение очкам	31
В страну прекрасных Аэлит	32
Космонавт	33
Как здорово, что существуют фантасты	34
Работаю я дирижаблеводителем	35
В постпотопной эре новой...	36
Гитара и шапка	37
Отражение	38
А на утро родился стих...	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Отражение Поэтический сборник Вячеслав Сазанович

Вячеслав Сазанович *Дизайнер обложки*

© Вячеслав Сазанович, 2023

© Вячеслав Сазанович, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-7092-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассвет

Я беспокоен, весь горю —
Не от болезней негодных,
А просто мне прижать зарю
К себе так хочется сегодня!

И в солнце ткнуться я щекой,
Себя им сладко согревая,
Как сумасшедший, сам не свой,
Сейчас безудержно мечтаю!

Взлечу! А как иначе быть,
Когда распахнутые крылья
Взывают вверх скорей уплыть,
С земной меня простившись пылью.

Какой рассвет! О, Боже мой!
Как плещет светом он роскошно!
Я прикипел к нему душой!
И оторваться невозможно.

Беседка

Я в открытой сию беседке.
Льётся дождь и прохладно чуть.
Лист зелёный дрожит на ветке —
Ходуном его ходит грудь.

А к столбам надо мною тонким
Зонт беседки прилип шатром.
Распыляясь, стучатся звонко
Капли в зонт дождевым хлыстом.

Дом застыл деревенский рядом.
Чередую двойных окён
Опьянённым от влаги взглядом
На забор загляделся он.

У забора вполне степенно,
Как не каждый и пить бы смог,
Пьёт небесную воду сена
Небольшой, но щекастый стог.

Ну, а лист всё дрожит на ветке,
Ходуном также ходит грудь.
Льётся дождь. Я сию в беседке.
И не холодно мне ничуть!

В ночь, вразвалку иду...

Осень, грузно дыша, завершила свой бег.
Ветер бросил скулить, словно раненый пёс.
Над вечерней землёй новорожденный снег
Закружил не спеша под некрепкий мороз.

Прежде слякотных луж блещет хрупко стекло,
Отражая огни столбовых фонарей.
И глазам и душе стало очень светло —
Отвыкают они от дождливых теней.

Укрывает себя свежим пухом земля,
Вяжут шапки гурьбой вдоль дороги дома.
В ночь, вразвалку иду, жизни радуясь я,
И тому, что пришла, наконец-то, зима...

Ни мысли, ни слова...

Ни мысли, ни слова в моей голове,
Она окончательно стала пустая.
Гляжу, как в высокой душистой траве
Блуждающий ветер следы оставляет.

Сорока летит, а за ней воробей
Охотничью, видно, устроил погоню.
Под солнцем искрится бегущий ручей,
Недавним дождём вдоль дороги рождённый.

Дорога извилистой тонкой змеёй
Траву луговую неспешно пронзает.
К ромашке кузнечик прижался щекой
И что-то стрекочет, на скрипке играя.

Рассудок уснул, я внимаю душой
Пространству и звукам прекрасным и чистым.
Стою с головой абсолютно пустой,
В беспомыслии полном – ни слова, ни мысли.

Старенький дом

В дебрях лесных, перевитых плющом,
Словно в огромном надёжном футляре,
Возле ручья беззаботливо дом
Спал – покосившийся, маленький, старый.

Кем он построен – забыто совсем.
Домику в дебрях так дремлет сладко!
Воздух вдыхая межрёбьем стен,
Пыль он засасывал слоем осадков.

Слоем осадков воздушная пыль
В дом серебром невесомым влетала,
И, как проверенный жизнью костыль,
Дальше держаться ему помогала.

Стёкла исчезли из окон и дверь
Тоже ушла из входного проёма.
Что ж горевать о потерях теперь,
Главное стены есть с крышей у дома.

Крона лесная небесный зенит
В листьях упрятала весь, без остатка.
Дом под листвою так сладостно спит!..
Словно младенец под пледом в кровати.

Стол

Стол стоит у окна. Над столом тишина
С обезлющенной тьмою повисла.
Повидать, разглядеть неподвижно сполна
Смог за годы он собственной жизни.

Видел он под собой детвору и котов,
И осколки от рюмочек хрупких,
Видел брюки сидящих друзей и врагов,
Босоножки, колготки и юбки.

Ощущал на себе тяжесть громких тостов,
Пироги, самовары, газеты.
Видел ненависть он, видел боль и любовь —
Ну, а как без любви в жизни этой?

Стал свидетелем тайн многочисленных стол,
Не любую доверишь бумаге.
Сколько фраз и речей понаслышался он,
Грязных, чистых – и прочих, и всяких...

Ножки в мраке блестят, упираются в пол,
На столешнице скатерти сетка.
Стол стоит у окна, вроде старенький стол,
Но как в юности – верный и крепкий.

Предвестник скорой стужи

Отбиваясь в ветках струнных
Тополино-серебристых,
Дождь из туч идёт подлунных,
С виду мрачных и нечистых.

Не со зла, а лишь публично,
По дорогам и по крышам
Он стучится нетактично,
Что и спящим даже слышно.

Настоящий, не подделка,
Дождь, предвестник скорой стужи,
Пробегаёт, словно белка
За орешками, по лужам.

Лето. Август. Но так низко
Туч с дождём несётся стадо,
Что понятно, осень близко —
Не вдали она, а рядом.

Листок

Проклюнулся мелкий, всего с ноготок,
Сегодня из почки берёзы листок.
Он липок ещё, молодой, несмышлён,
И с жизнью совсем незнаком ещё он.

Но лист подрастёт, станет зрелым вполне,
И тень от него будет мчаться к земле.
И в этой тени будет свет охлаждаться,
Влюблённые пары желанно встречаться.

Узнает он лето. За летом, чуть позже
Прочувствует холод осенний до дрожи.
И сменит – такой у природы обряд —
Зелёное платье на жёлтый наряд.

Напьётся дождем постаревший листок,
Который был ростом совсем с ноготок.
И бросится вниз, влажным ветром ведомый,
Мечтая весной возродиться он снова.

Идёт воскресенье

Дни выходные. Идёт воскресенье.
Словно настойки шалфеево-мятной
Выпило время без тени смущенья,
И застучало чуть реже, чем надо.

В книге читаемой букводвиженье
Тянется дольше, чем ранее было.
С временем, видно, оно в соглашенье
О замедлении хода вступило.

Прошлого века в квартиру неспешно
Музыка льётся из ретро-колонки.
Спит на полу, ну совсем безмятежно,
Солнечный свет позолоченной плёнкой.

Ход в понедельник немного вальяжно
Время отстучает, но ведь, ей-богу! —
Что будет завтра – не так уж и важно,
То, что сейчас есть – важнее намного!

«Не так давно уснула ночь...»

Не так давно уснула ночь
В рассветном рюкзаке.
Из города шагаю прочь
Я с удочкой в руке.

Ещё в пакете у меня
Есть баночка червей.
И до реки желаю я
Дотопать поскорей.

Она прохладна и чиста,
И синей полосой
Пронзает тихие места
За городской чертой.

На берег скоро сяду и,
Забыв про пыль и смог,
Начну неспешно я удить,
Глядя на поплавок.

Поймаю ль рыбу, я ещё
Не знаю – пустяки!
Но знаю точно, хорошо
Мне будет у реки.

Сидеть весь день я буду рад
В общении с рекой,
А как зардеется закат,
Отправлюсь я домой.

И блеском звёздного пути,
Проснувшись, мне помочь
Дорогу верную найти
Решит подруга-ночь.

«Хворост пылает, над ним котелок...»

Хворост пылает, над ним котелок
Пузо своё для ухи согревает.
В озере рядом застыл поплавок —
В леску вцепившись, нырять не желая.

Воет назойливо рядом комар,
Лезет туман из осоки махровый.
Шмель из цветка пьёт вечерний нектар,
Чья-то вдали замычала корова.

Жир в котелке выпуская, карась
Плещется вместе с наваристой щукой.
Риса на радость им всыплю сейчас
С солью, морковкой, картошкой и луком.

Смолкла корова, шмель скрылся вдали,
Хворост по цвету стал жгуче-бордовым.
Солнце, скрываясь за кромкой земли,
Дышит спокойствием свежим и ровным.

Я на траве, как на тёплом меху,
Тело своё разместил в полулёжке.
Дым разгоняя, мешаю уху
С детства родной металлической ложкой.

Рядом запел чуть охрипший сверчок,
Горло своё от души надрывая.
Скромно заслушался им поплавок,
В воду нырять, ну совсем не желая...

Опять я в дороге!

Опять я в дороге! Асфальта полоска
Сквозь зелень пейзажную змейкой скользит.
Застыла, гляжу, у мосточка берёзка
И в речку листочками робко глядит.

Чуть дальше заправка. За ней вдоль дороги
По полю за трактором тащится плуг.
Сток пышного сена мелькнул одинокий,
Прилипший к траве, словно к платью утюг.

Низина с деревней! Увидел в деревне
Заборов-расчёсок опрятный я ряд.
За ними, по-царски, с осанкой степенной,
Избушки гурьбой невысокой стоят.

Секунды меняют пейзаж перед взором
За быстро летящим огромным окном —
То лес растворится в просторе озёрном,
То выстрелит вверх неожиданно холм.

Билет мне дорожный достался сквозь лето
Прекрасный такой, что в пути не уснуть.
Я еду! Я еду! И скоро приеду
Домой наконец-то! Осталось чуть-чуть!

Штрихпунктирная строчка

Полоска и точка, полоска и точка,
Бежит вдоль колёс штрихпунктирная строчка,
По следу спешит бесконечной рулетки
Асфальтная лента дорожной разметки.

Полоски и точки – путей альбиносы,
Не скрыты ли тайны в них азбуки Морзе?
О чём они шепчут, о чём повествуют,
Беседу ведут меж собою какую?

О Севере крайнем с казённой избою?
Быть может, о юге с солёной волною?
О доме родительском с окнами в небо...
Он тоже не близко, давно я в нём не был.

А, может, полоска бегущая точке
О ложно-спокойных разлуках бормочет?
Прощальных словах: «Я приеду, до встречи!»
О слёзах в глазах... Удержать бы, но нечем.

Полоски и точки в жару и в морозы,
Ведут разговоры по азбуке Морзе.
Куда они манят? В какие дороги
Умчатся зовут штрихпунктирные строки...

«Среди бегоний и жасминов...»

Среди бегоний и жасминов,
Среди гортензий и драцен
В озеленённой я квартире
Расположился в зимний день.

А за окном в пыли морозном
Метель по стёклам резво бьёт...
А на столе в горшочке роза
Багрянощёкая цветёт.

А рядом с розой каланхоэ
Горит гранатовый букет,
И лист мясистого алоэ
Гнёт изумрудно свой хребет.

А за окном бушует вьюга,
Снег призывая к кутежу...
А здесь, в квартире, как на юге
Я субтропическом сию.

«Рубежей нет! Повсюду воля!..»

Рубежей нет! Повсюду воля!
Здесь, вблизи, стог растет из сена.
А вдали, там, за кромкой поля
Возвышается лес степенно.

В небесах синеву ест пена
Облаков совершенно чистых,
А внизу, в лужах по колено,
Золотистые дремлют листья.

Ни домов нет вокруг, ни строек.
В незамаранной здесь природе
Я стою, и – да что ж такое! —
Веселюсь беспричинно вроде.

«Э-ге-ге!!!», – закричать охота,
В горизонт отсылая эхо —
Здесь повсюду одна свобода,
С рыжей лентой лесного меха!

На жизненные чудеса

Я видел, как пенится лёд,
Как хлещет вода из песка,
Как солнце по звёздам плывёт
И тянется к смерти рука.

Я видел, как тлеет бетон,
Как липнет к душе язык,
Как даже простой картон
Ломает, как спичку, штык.

Свершений земных полно
Из масс необычных дел.
Я многое видел, но
Не всё я узреть успел.

Пока в теле силы есть
И живы ещё глаза,
Я буду во всю глядеть
На жизненные чудеса.

Дракон

Суставы разнылись и зубы не те.
И крылья обузой являются лишней.
Последнее лето живу на земле
Из долгой своей многовёковой жизни.

Оставьте меня, скоро сам я помру.
А дальше творите со мной что угодно...
Так нет же, по-прежнему олухи прут,
Желая прославиться в битве с драконом.

Я старый уже. Словно зайцев удав
Давно поглощать не могу никого я...
Вот, герцог лежит, вот, по-моему, граф,
А вот и барон ткнулся в холм головою.

Я старый... Но лучше меня ты не тронь,
Всё также, как в ранние годы от рода,
Пылает во мне первозданный огонь —
Восходоподобный огонь, с позолотой.

Не лезьте ко мне вы, себе на беду.
Зачем? Я уже никому не мешаю —
Деревни не жгу и невест не краду,
А скромным отшельником дни доживаю.

Забудем о прошлом. Что было — ушло.
Не надо движений без смысла и толка.
Позвольте дочувствовать кожей тепло
Последнего лета... Оно ведь недолго...

А осень придёт, с нею я по утрам
Устало прилягу на древние камни.
Закрою глаза и спокойно умру,
В груди остужая огонь первозданный...

Творцы

Живут великие творенья
В руках создателей миров:
Печаль, ранимость, вдохновенье
Надежда, вера и любовь.

Чисты́, прекрасны чувства эти...
Но почему внедряют в жизнь
Творцы на созданных планетах
Совместно с ними боль, корысть.

Зачем восторг мешают с гневом,
И в восхищение спешат
Вогнать тоску со злостью-стервой
И в трепет влить тревог ушат.

Миры по умыслу дурному
Так создают... А может быть
Они – всё проще – по-иному
Не в состоянии творить.

И им, по сути всемогущим, —
Мол, что придумал, то создай —
Нет, как и людям, троп ведущих
В мир идеально лучший – рай.

По исторической спирали

Сумели пламя потушить,
Одна искра мерцает куца.
А долго нам осталось жить
До всплеска новой революции?

Как б не стремились на постой
В астро-космические дали,
Но сбросит путь нас вниз, дугой,
По исторической спирали.

И ждёт внизу опять война,
Разруха, голод, жажда власти...
Лишь уцелела бы страна,
Не разорвалась бы на части.

И там, в проклятой глубине,
Гремя мечами и цепями,
Путь освещающе во мгле,
Из искры снова вспыхнет пламя.

Что дальше будет? Бог с тобой,
Ведь каждый знает, что случится —
Что круг чертя очередной,
Спираль к вершинам вновь умчится.

Время и возраст

Возраст к времени обратился:
«Не губи меня, пожалей!
Если в чём-то я провинился
Пред тобою – прости скорей!
Зачехли боевые стяги,
Присмири часовую ось.
Ежедневно вести атаки
С целью выстарить хватит, брось!
До седин я устал сражаться,
В теле немощность да озноб.
Может, хватит уже бодаться
Мой морщина при этом лоб?»

Ухмыльнувшись, сказала время:
«Успокоилось я бы, но
Мне спокойствия во вселенной
Ни мгновения не дано.
Если б знал бы, как бег свой часто
Развернуть мне хотелось вспять...
Да, пыталось я... Нет, напрасно...
Больше нечего мне сказать».

Дифирамбы ушли, и возраст
Время вынужденно опять
Планомерно и скрупулёзно
Тут же бросилось устарять:
То суставы кольнёт иглкой,
То давлением по сердцу – хлоп!
Что там дальше? А дальше только
Смерть, прощание, слёзы, гроб...

Но не только сурово время,
Время может ещё лечить,
И угробленное непременно
Вновь обязано оживить.

И рожденья зажгутся свечи,
Новым векам открыв врата —
Значит, возраст, он тоже вечен,
Хоть и старится иногда.

Соломинка в стогу иголок

Сухая совсем и податливо ломкая,
От бывшей травинки отбитый осколок,
Решила от взглядов укрыться соломинка
В высоком стогу из железных иголок.

Как шишки под лапками ёлочно-хвойными,
Под грудями острого очень металла
Воздушная и совершенно спокойная
Соломинка чуть изогнувшись лежала.

Её не достанешь клещами длиннющими,
Сквозь стог не просветишь рентгеновским светом.
А, впрочем, зачем? Никому ведь ненужная
Ни в чём абсолютно соломинка эта.

Построить шалаш из неё не получится,
Табун лошадей не прокормишь зимою.
И стоит ли с нею поэтому мучиться,
Лишая надёжного в стоге покоя?

Так пусть и скрывается эта соломинка
В стогу из железных и острых иголок —
Засохшая, тонкая, хрупкая, ломкая,
От бывшей травинки короткий осколок.

Отжившие эры служения людям

На свалке у дома, на груди бутылок,
В тени, создаваемой стенкой бачка,
Лежал в одиночестве старый ботинок
С разодранным носом и без каблука.

В очистках картофельных рылась собака —
Обвисшие уши, худющий видок.
Просаленный жизнью и жиром бумаги
Следил за собакой газетный клочок.

Когда-то звенящий, весёлый когда-то,
Но выбитый временем в смерть наповал,
Будильник без стрелок и без циферблата
В бачке по привычке секунды считал.

В асфальт упиралась шкафная фанера.
На кромке присев почерневшей её,
Ворона, кряхтя, с воробьём-кавалером
Вела разговор про своё бытие.

На свалке предметы отжившие эры
Служения людям, совсем не спеша,
Внимали дуэту пернатых с фанеры
Безумно влюблённо и еле дыша.

Сорняк

Обнаглели гости на земле моей —
Огурцы с картошкой, лук и сельдерей,
Да и в целом группе пришлых овощей
Не по сердцу нынче что-то я вообще.

Ими назван словом грубым я – Сорняк!
Здесь, для них, для пришлых каждому я враг.
Но сюда я ехать их не зазывал,
И земли наделы в дар не предлагал.

Да, не образован, как они, я дик,
И к свободе полной, без границ привык.
Эти же пришельцы, ограничить мне
Жить решили право на моей земле.

Вырывать с корнями принялись меня
Из моих наделов... Но не сдамся я.
С этою оравой плодоовощной
Буду продолжать я ежедневный бой.

Не спасут их сотни огородных стен —
Не они, а здешний я абориген.
И прополка грядок не укроет их —
Буду наказаньем вечным я для них.

Как бы не старались, не погибну я,
Ведь в округе здешней Родина моя.
Пусть трепещет в страхе каждый, кто чужой —
Не они, а я здесь житель коренной!

Электрик Вселенной

Бежит электричество по проводам
От станции ТЭЦ до розетки квартирной.
Вдоль столбиков ЛЭП ночь прильнула к устам
Земли чуть прохладной воздушною синью.

Лишь лампочки звёзд польхают. Зажёг
Свет звёзд Самый Главный Электрик Вселенной.
Я чувствую, как в них пульсирует ток —
Ток силы огромнейшей – многоамперный!

А рядом со звёздами тихо Луна
Сияет в ночи серебристым торшером —
И в каменный век так сияла она,
И в прочие стёртые временем эры...

Электрик Вселенной цепочки ночной
Контакты с зарёю оставит без тока.
Погаснут созвездия над головой.
И грустно от этого станет немного.

Одна лошадиная сила

Лошадки какой лошадиную силу
Единым избрали для силы мерилom? —
Породы арабской, башкирской, монгольской,
Баварской, якутской или орловской?

По масти-раскраске она вороная?
Каштаново-бурая или гнедая?
А нрава какого? Спокойная, буйная?
С рождения глупая или разумная?

Какую по факту избрали кобылу
Стандартом в одну лошадиную силу?
Стройняшку ли? Толстую, словно бы мячик?
Но всяко не старую дряхлую клячу...

Но больше всего, что волнует меня,
Вопрос – почему это люди мерилom,
По обще-стандартной системе для силы,
Используют лошадь, а не коня?

Посвящение очкам

За умный вид и острый взгляд
Спасибо вам, очки, с поклоном.
Глаза сквозь вас на мир глядят
Бесперерывно восхищённо.

Вблизи стал видеть, как вдали,
И в этом «плюс» есть, а не «минус».
Вы чёткость оптикой зажгли,
Как зажигает спичка примус.

На переносице сидя,
К ушам протягивая дужки,
Вы украшаете меня
Похлеще, чем весну веснушки!

Очки, со школы вас мечтал
Я ощущать перед глазами.
Летели годы... Час настал
Мне долгожданной встречи с вами.

...Стих этот сделал неспроста,
Хочу итогом поделиться:
Коль есть в душе твоей мечта,
Она должна осуществиться!

В страну прекрасных Аэлит

Мой звездолёт, поверь мне, брат,
Вверх поднимался сотни раз.
Вчера летал он в Луноград,
Сегодня же летит на Марс.

Давай со мной, сомненья в прах.
Ты убедишься, там – не тут,
Там, на малиновых лугах,
Ромашки алые цветут.

На багровеющих волнах
Морского красного вина
Увидеть смог я там на днях
Русалку с розового дна.

Повсюду твёрдый там гранит
Гранатом огненным покрыт.
Ну, что летим? Нам путь открыт
В страну прекрасных Аэлит!

Пойдём со мной, не бойся, брат.
Мой звездолёт подбросит нас,
Минуя стольный Луноград,
Прямой дорогою на Марс.

Космонавт

Ну что сказать, мяу, здравствуйте!
Явился я из космоса,
Летел путями ясными
В межзвёздной пустоте.

С планеты я Мур-мурия
Из города Кис-Брысинджер.
Летел быстрее пули я —
Летел и долетел.

С дороги кушать хочется.
Несите угощения
Мясные да молочные
Скорее для меня.

Когда назад в Мур-мурию?
Как долго с вами буду я?
Земляне, я подумаю.
Но чуть попозже – мяу!

Как здорово, что существуют фантасты

Артур Конан Дойл, Александр Беляев —
Великих фантастов рождалось немало.
За вечер глотались романы Жюль Верна,
Читались мгновенно Казанцев, Ефремов.

Мотался сквозь тернии к звёздам я с ними
И в прошлое ездил на хрономашине,
Водил Наутилус, сурово сражался
Я неоднократно с пришельцами с Марса.

А Кир Булычёв? Заставлял беззаветно
Над тайнами биться он третьей планеты.
И гнали настойчиво в дальние дали
И Айзек Азимов, и Гаррисон Гарри.

Миры пауков, гравицап, гуманоидов,
Восстания роботов, хитрость андроидов.
И взгляды на ценности, светлые мысли
О прошлой, текущей и будущей жизни.

Как здорово, что существуют фантасты —
Адамов, Платонов, Маккефри, Железны
И прочие, много их, в целом, по сути —
Прекрасные книги, чудесные люди!..

Работаю я дирижаблеводителем

Работаю я дирижаблеводителем,
По небу промчатся со мной не хотите ли?
Билеты на палубу, к взлёту готовую,
Поверьте мне, что несусветно дешёвые.

Сиденья большие, огромные столики,
Не то, что в каком-то зачуханном Боинге.
И можно окно распахнуть, если надо вам,
На зависть запаянным иллюминаторам.

Неспешно, без шума визжаще-турбинного,
Мы будем лететь над лесами-долинами.
Лететь, наслаждаясь воздушным спокойствием,
Куда пожелаем, в своё удовольствие.

Подъёмная сила, рождённая гелием,
Не даст нам упасть, не нужны здесь сомнения.
Похож на кита дирижабль по внешности,
Плывущего над всеземною поверхностью.

Ещё в дирижабле сады есть с бассейнами
И сверхаппетитными чудо-кофейнями.
Поэтому снова спрошу – не хотите ли
Со мной полетать, с дирижаблеводителем?

В постпотопной эре новой...

Обесценятся напитки,
Утоляющие жажду —
Тают льды, воды с избытком
На планете станет нашей.

Станет скоро – несомненно!
И, распухнув, океаны
Смоют с ликом континентов
Многочисленные страны.

Только прежних гор великих
Над бескрайними морями
Подниматься будут пики
Небольшими островами.

Быть потопу в этом веке
На земном уставшем шаре!..
Стоит строить ли ковчеги
Для попарно разных тварей?

Абсолютно фауна, флора
Здесь ни в чём не виноваты.
Строить им суда, бесспорно,
Для спасения бы надо.

Ну, а люди? Что? Достойны
За измены, взгляды с фальшью,
За коварство, ложь и войны
Шанс иметь плодиться дальше?

Человек к земному раю
Путь активно разрушая,
Льды призвал повсюду таять,
Сам того не понимая...

В постпотопной эре новой
Из попарно взятых тварей
Кто на землю ступит снова?
Кто не ступит? Мы не знаем...

Гитара и шапка

Над шапкой, прильнувшей спиной к тротуару,
В потоке людском зазвучала гитара.
И с первого звука случайным прохожим
Казаться мир начал светлее и проще.

Игрались мелодии разного толка —
Для сальсы, ламбады, кадрили и польки,
Для русской застольной «Калинки-Малинки»,
И небезызвестной кавказской лезгинки.

И голос ещё гитариста с гитарой
Вещал под аккордные звуки на пару
Про Разина Стеньку с персидской княжностью,
Про ворона чёрного над головою.

Ещё были песни из нашего рока:
И «Дети любви», и «Ой-йо», и «Дороги»,
И «Орбит без сахара», «Аривидерчи»,
«Последняя осень», «Напитки покрепче».

А в шапку, лежащую на тротуаре,
Влетали монеты под звуки гитары
От мимо идущих спешащих прохожих,
За мир, что светлей стал казаться и проще.

Отражение

Ты улыбаешься – я улыбаюсь,
Ты веселишься – и мне хорошо.
Если работой опять изнуряешься,
Значит, и я буду биться ещё.

Ты заболеешь – и я заболею,
Ты ляжешь спать – и я тоже усну.
В прорубь зимой если прыгнуть посмеешь,
В след за тобой без раздумий нырну.

Каждое в жизни твоей изменение,
С нотками холода или огня,
Может увидеть своё отражение
В зеркале сердца в груди у меня.

Если с зарницею раннею встанешь,
Значит, и я буду бодрым к утру.
Буду беспомощным, если устанешь.
Если умрёшь – то я тоже умру.

А на утро родился стих...

А на утро родился стих

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.